

В. Антонова

В ПРАВДЕ НЕТ СТРАХА

На кафедре гистологии Томского медицинского института висит стенд с портретами заведующих. На одной из фотографий - профессор Сергей Владимирович Мясоедов, возглавлявший кафедру биологии и гистологии Томского университета с 1924 по 1936 годы (с 1930 г. это была уже кафедра мединститута).

Сохранилось много воспоминаний и легенд, которые свидетельствуют о нем как о крупном педагоге и ученом. По одной из них, студенты стелили ковровую дорожку к кафедре перед началом его лекций, а на стол ставили букеты цветов - так проявлялась любовь к его лекциям, которые слушали, затаив дыхание. По другой - он смог за неделю до начала учебного года в системе партийного образования подготовить сложный курс «Философские вопросы в биологии».

Он оставил после себя не только легенды. На кафедре гистологии сохранилась «рабочая книга по гистологии», - прекрасное пособие по практической гистологии, которое не потеряло своего значения и сейчас. Уцелели несколько монографий и статей, посвященных основным темам, его исследований: генетика, морфология и функция половой системы, соединительной ткани и крови и т. д. Но все это - малая часть того, что мог бы оставить после себя такой человек. Система стремилась передать забвению все, что было связано с людьми, которых она уничтожала. Запрещалось упоминать, вспоминать, даже «слух произносить фамилии тех, кого «взяли». И вещи - прямые свидетельства жизни человека - конфисковывались.

С. В. Мясоедов родился в 1889 году, в семье священника, в небольшом селе Смоленской губернии. Высшее образование получил в Петербургском университете. В политических партиях не состоял, но сочувствовал партии кадетов. В 1924 году по объявленному конкурсу приехал в Томск, в университет, на кафедру биологии и гистологии, стал её заведующим.

...21 декабря 1936 года в его квартиру на ул. Дзержинского в Томске постучали. Можно представить его изумление и смятение, когда зачитали справку на арест. Можно понять его растерянность, когда конфисковывали «запрещенную литературу»: «Сборник программ русских политпартий», речь Зиновьева на XII съезда ВКП(б), «Социализм и анархизм» и «Сущность анархизма», статьи Плеханова... Впрочем, названия книг в описи записаны очень небрежно, не они были криминалом, да и конфискованный «турецкий

кинжал»- тоже. Тогда он, видимо, верил, что все происходящее - нелепость, случайность, потому, наверное, и подпись под протоколом стоит еще разборчивая, сделанная твердой, уверенной рукой.

Сейчас, благодаря многим публикациям, мы хорошо представляем себе «технику» допросов тех лет. Но это в основном художественные произведения, в которых авторы имеют право на вымысел. Передо мной же лежит увесистое архивное дело, где вся эта «техника» представлена документально. По ней можно проследить, как за короткое время обыкновенный человек «превращался» в опасного преступника.

Протоколы, записанные черными и зелеными чернилами. Четкий почерк-следователей. Ломкие буквы подписи, сделанные дрожащей рукой под каждым собственным ответом допрашиваемого. Видно; что некоторые допросы длились непрерывно. Над протоколами стоят, например, такие даты. 15-18 мая, 22- 26 апреля и т. д. Есть паспорт и фотография осужденного. Это не летопись того, что было. И документ этот составлялся не для истории, а для Системы. Но в нем - тоже наша история, противоречивая и сложная. Нашему поколению открылась завидная возможность знать правду. Знать ее, чтобы не повторились кошмары застенков, чтобы жизнь людей ценилась сама по себе, а не была собственностью государства, в строительстве которого, оказывается, мы допустили так много ошибок. А сколько жизней за каждой этой ошибкой...

...Дело, хранящееся в архиве УКГВ СССР по Томской области, начинается со справки на арест. Она гласит: «...Мясоедов является руководителем контрреволюционной фашистской группы, существующей в г. Томске. Основной целью, которую ставила перед собой группа Мясоедова, является реставрация капиталистического строя под протекторатом Германии. Указанные вопросы обсуждались на собраниях контрреволюционной группы в квартире Мясоедова».

Откуда взялась эта нелепица? Во-первых, эти обвинения были стандартны: все они подтягивались под знаменитую 58-ю статью, которая на все лады трактовала контрреволюционную деятельность. Основывались эти обвинения, как правило, лишь на признательских показаниях. Вот и это дело - не исключение. Все доказательства обвинения свелись " к показаниям «арестованного проф. И. И. Котюкова». Как добывались такие «показания», можно представить. На профессора И. И. Котюкова (которому сотрудники впоследствии дали такую характеристику - «блестящий лектор, широко, разносторонне подготовленный специалист - проф. Котюков поставил на

очень высокую степень читаемый им курс физической химии») в свою очередь тоже «показали».

Возможно, была и еще одна причина ареста. О ней догадывалась жена профессора Мясоедова, которая только в 1956 году поделилась своими мыслями со следствием. «Примерно в сентябре 1936 года моего мужа вызвали в горотдел НКВД и предложили сотрудничать, он отказался. После того, как мой муж отказался сотрудничать с органами НКВД, его 25 декабря 1936 года арестовали».

На первых допросах он искренне все отрицал. В протоколе допроса от 27 декабря 1936 г.:

— Признаете ли вы себя виновным?

— Нет, я этого не признаю. Категорически отрицаю свою причастность к какой бы то ни было антисоветской организации.

Но «техника» выбивания признания была изумительна проста. Примерно по такой схеме: -Собирались вместе?- Да, было.- Высказывали недовольство существующим строем? - Да. -Значит, существовала определенная группа.

И вот уже в протоколе за 15-18 марта появляется «признание»: «...Правда, в то время мы не отдавали себе отчет в том, что являлись контрреволюционной группой, но я признаю себя участником этой к-р группы, главной фигурой в ней, центром тяготения, вокруг которого спланивались другие контрреволюционно настроенные элементы».

В чем конкретно выражалась эта деятельность? Еще одно признание: «Наша контрреволюционная деятельность выражалась исключительно в антисоветских разговорах. Они велись в различное время, различными лицами из числа участников нашей контрреволюционной группы. До 1933-1934 гг. не верили в Советскую власть». Был и такой грех: «...рассказывали антисоветские анекдоты... и тому подобные к-р измышления». Но на допросах в апреле происходит непредвиденный сбой. Мясоедов вдруг утверждает: «Если следствие не располагает какими-либо данными о моей контрреволюционной деятельности, то эти данные (имеются в виду его показания - В. А.) не отвечают действительности и являются ложными». В обвинительном заключении будет сказано, что С. В. Мясоедов «виновным себя признал частично». Понимаем, это было не главным, а может, и вовсе не «требовалось признавать вину. Главное - хоть какие-то показания. Предельная откровенность, с которой все высказано, даже насторожила: а принадлежат ли эти мысли Мясоедову, который заявил, что «большевики

ликвидировали всякие признаки демократии и свободы в нашей стране»? Разве можно в такой атмосфере высказывать сокровенное? А, может, это было отчаяние обреченного, понимающего, что терять больше нечего? Или наивность интеллигента, думающего, что на поставленные вопросы надо отвечать честно?

Мнения чекистов, через руки которых сейчас проходит масса таких дел, разделились. Одни предполагают, что ответы вполне могли принадлежать крупному ученому и мыслящему человеку; другие считают, что схема подобных откровений была продумана заранее, и от допрашиваемого требовалось только подписывать протоколы, заранее составленные.

И все-таки, думается, его взгляды были его убеждениями и совесть не позволяла скрыть их или солгать, тем самым оттягивая хоть на время неминуемый приговор. Он говорил то, о чем, видимо, не раз думал.

«Произошла Октябрьская социалистическая революция 1917 г., большевики стали у власти, разогнали Учредительное собрание, и все мои надежды на спасение Родины погибли. Началась гражданская война, все мои симпатии были на стороне белых: авось, свершится чудо и им удастся раздавить большевиков и спасти, страну...».

В 1924 году, как уже известно, Мясоедов приехал в Томск. «Особенно меня поразила в Томске дешевизна пищевых продуктов и их обилие по сравнению с Ленинградом, откуда я приехал... Это я объяснял тем, что мертвящая рука большевиков не успела еще сюда как " следует добраться. Академическая среда была настроена весьма реакционно, приблизительно так же, как и я. ...Мы выражали неверие в то, что страна идет по пути развития и прогресса; по нашему мнению, она зашла в тупик, из которого не может выйти, и индустриализация - миф, бесплодные потуги большевиков... Не верил я также и тому, что были вскрыты вредители, считал, что большевики их создают искусственно, чтобы обмануть народ и тем самым оправдать свое бессилие.

...Днепрострой сравнивался мной с бриллиантом, который вшит в одежду голодного... нищего. ...Коллективизацию я рассматривал как разорение крестьян. ...Не веря в реальность социалистического строительства, мы считали, что мельчайший успех в той или другой области большевики раздували чуть ли не в мировое событие, занимаясь самовосхвалением. ...Ругали Сталина, т. к. его мы считал» главным виновником всех бедствий в стране. „... говорили о замене диктатуры пролетариата демократической, подобной Швейцарской или Французской буржуазными республиками.

...Интеллигенция и крестьянство в СССР бесправны, всех зажали в кулак, никто не смей сказать слова».

Правда, в деле есть оговорка, что «с 1933 г. ... в моих, взглядах и отношениях к Советской- власти и ВКП(б) произошел перелом, и я стал человеком, целиком стоящим на советской платформе.

Если эти высказывания действительно принадлежат С. В. Мясоедову, то это пример того, как человек в экстремальных, условиях высказывает мысли, в которых умалчивал в обычной жизни. Для таких людей беды, которые приходится переживать из-за убеждений, важны менее духовных переживаний, если поступаешь принципами. По рассказам, Мясоедов был принципиальным и честным человеком.

Протокол заседания «тройки» управления НКВД Новосибирской области от 3 декабря 1937 г. был очень коротким: «Слушали... Постановили: Мясоедова расстрелять. Лично ему принадлежащее имущество конфисковать». 5 декабря 1937 г. приговор приведен в исполнение.

Незадолго до ареста, в 1936 году, по совокупности работ ему было присвоено звание доктора наук. Он написал монографию «Явление размножения и пола в органическом мире». Говорят, что он писал на немецком языке работы по генетике и был связан с Н. И. Вавиловым. Кстати, несколько работ, которые он отправил в Чикаго и Берлин, стали на допросах фактом преступной связи с заграницей. У него было очень много планов...

В ноябре 1956 года президиум Томского областного суда отменил постановление, «тройки» в отношении С. В. Мясоедова и «дело за недоказанность состава преступления» было прекращено.

Его жизнь и смерть оказались нужными Системе, чтобы оправдать идеи, которые оказались несостоятельными. Это даже не было преследованием за убеждения, как случилось позднее. Тут действовала железная логика, определяющая место человека в Системе - винтик. Его легко можно было вывернуть. Сейчас наше общество разворачивается лицом к принципу, который накануне первой русской революции провозгласил наш знаменитый писатель: «Человек - вот правда! Все в человеке, все для человека!»

В правде нет страха. И хочется, чтобы отныне мы жили с правдой.

В. Антонова.

«Красное знамя». 1990. 28-29 июля.